

приходится бежать отсюда, я не могу здесь жить, я хочу скрыть срам моего семейства, пусть меня считают умершим... Но когда наступает ночь, я прихожу в свою уединенную комнату, здесь скидаю крестьянскую одежду и надеваю прежнюю, великолепную; здесь ожидают меня великие люди древности. С^а ними беседую я, и они дают ответы на все мои вопросы»^а. Здесь же посреди этой жизни он написал свое *Del Principe*.

Книга эта написана холодно, спокойно, видно, что рука автора не дрожала; и вдруг он замыкает ее дифирамбом: «Какими бы средствами ни овладели Вы престолом, говорит он, обращаясь к Медичису, какие бы преступления ни довели Вас до цели, благословение божье будет над Вами». Он видел, что Италия лишена была всех средств к восстановлению порядка при всеобщей порче нравственности; для ее спасения он жаждал диктатуры и это убеждение вынес он из изучения древности. Ему все равно, кто бы ни был этим диктатором, лишь бы он спас Италию. Таким диктатором мог быть, по его мнению, Цезарь Борджиа. С презрением отзывается здесь Макиавелли о французах и немцах: из точки зрения Макиавелли, любившего горячо свою родину, это презрение было понятно. С какою же целью посвятил он эту книгу Медичису? Жестокий, но талантливый, он мог, по его мнению, осуществить идеал диктатора. Справедливо сказал о Макиавелли Ranke. Макиавелли поступил с Италией, как врач с больным: видя опасное положение больного, врач дает ему яд^а. Другого средства не было. Этот яд предложил Макиавелли отечеству в виде Цезаря Борджиа или бессменного диктатора, какой бы нравственности ни был он.

[Лекция 13] 15 ноября

Мы сказали о том значении, которое имела книга Макиавелли о князе. Мы видели, насколько неправы были обвинения, падавшие и падающие доселе на это знаменитое творение Макиавелли. Оно было написано вовсе не с какою-либо мелкою личною целью, это было выражение патриотических желаний и требований Макиавелли. Прочие сочинения Макиавелли, которые мы сейчас рассмотрим, подтвердят сказанное. Из них важнейшие суть беседы о первой декаде Тита Ливия. Многое, что кажется загадочным и непонятным в книге о князе, получает здесь полное объяснение; здесь-то выражена политическая исповедь Макиавелли. Мы видим из этой книги, что он был республиканец по убеждениям, по республиканец в античном смысле, не понимавший потребностей нового общества, тех нравственных изменений, которые христианство произвело в Европе. Поэтому он принимал только одну гражданскую доблесть и добродетель, одну гражданскую и политическую религию. Внутренний

^а-я Там же: С ними говорю я о прошедшем, о будущности нашей Италии (л. 40).